

УДК 94(4)

Т 35

Издатели благодарят
Институт Русского Афона
и
Валерия Ивановича Пирогова
за помощь в издании книги

Книга подготовлена в рамках
исследовательского проекта РГНФ
№ 14-01-00419
Куратор издания – К.А. Вах

Талалай М., Троицкий П., Шкаровский М.
История Русского Афона. —
М.: Издательство «Индрик», 2016. — 464 с.; ил.

ISBN 978-5-91674-403-3

© Текст, Талалай М., Троицкий П.,
Шкаровский М., 2016
© Составление, Талалай М., 2016
© Фотографии, Китаев А., 2016
© Серия; оформление,
Издательство «Индрик», 2016

ISBN 978-5-91674-403-3

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Часть первая.	
Русский Афон в XV–XX веках (М. Талалай, П. Троицкий)	
I. Возобновление связей Руси и Афона	17
1. XV–XVI века	17
2. «Пантелеев» монастырь	21
II. Афон и Россия в XVII веке	27
1. Милостыни из Московии	27
2. Исправление «московских» книг по афонскому чину	31
III. Кризис и возрождение: XVIII – начало XIX века	35
1. Упадок Руссика	35
2. Помощь русским афонитам	39
3. Подвиг прп. Паисия	40
4. Перенос афонских традиций в Россию	45
IV. XIX век	47
<i>Пантелеимонов монастырь</i>	47
1. Кризис в первой половине XIX века	47
2. Греко-русский Пантелеимоновский процесс	72
3. Игуменство о. Макария	97
4. Отцы-основатели	123

<i>Андреевский скит</i>	129
1. Отцы-основатели	129
2. Вторая половина XIX в.	135
3. Начало XX века	148
<i>Ильинский скит</i>	152
1. Конец XVII – первая половина XIX в. Служение инока-князя Аникиты	152
2. Середина XIX века: Паисий-«Второй»	163
3. Вторая половина XIX века	165
4. Преп. Гавриил Афонский	171
<i>Малые русские обители</i>	178
1. Келлия Свт. Иоанна Златоуста (Хиландарского монастыря)	178
2. Келлия Св. Игнатия Богоносца (Хиландарского монастыря)	188
3. Келлия Св. Иоанна Богослова (Хиландарского монастыря)	190
4. Благовещенская келлия (Хиландарского монастыря)	196
5. Келлия Святой Троицы (Хиландарского монастыря)	200
6. Келлия Свт. Николая «Белозерка» (Хиландарского монастыря)	202
7. Келлия Свт. Иоанна Златоуста (Иверского монастыря)	206
8. Келлия Свв. Онуфрия Египетского и Петра Афонского (Иверского монастыря)	209
9. Георгиевская келлия на Керашах (Великой Лавры)	210
10. Артемьевская келлия (Великой Лавры)	212
11. Крестовоздвиженская келлия (Каракальского монастыря)	214
12. Келлия Введения во Храм Богородицы (Ставропигитского монастыря)	220
13. Благовещенская келлия (Симоно-Петровского монастыря)	220
14. Келлия Св. Стефана (Пантелеимоновского монастыря)	222

15. Келлия Положения Пояса (Иверского монастыря)	222
16. Вознесенская келлия (Филофеевского монастыря)	226
17. Келлия Святителя Николая (Филофеевского монастыря)	228
18. Келлия Великомученика Георгия (Филофеевского монастыря)	229
19. Келлия Михаила Архангела (Собора Архангелов; Ставроникитского монастыря)	231
20. Русские кельи и каливы Карульского скита	232
21. Братство русских обитателей	237
V. Начало XX века	249
1. Попытки реформ на Афоне и российская дипломатия . . .	249
2. Вхождение в состав Греции	254
3. Афонский вопрос после Лондонской конференции великих держав (А. Паршинцев)	263
4. Афонская «смута»	293
5. Первая мировая война	295

Часть вторая.

Русские святогорцы в 1918–2015 гг.

(М. Шкаровский)

1. Русское афонское монашество в первые послереволюционные годы	305
2. Духовная и хозяйственная жизнь русских обитателей Афона в 1925–1930-х гг.	327
3. Святая Гора в годы Второй мировой войны	347
4. Постепенное угасание русского афонского монашества в 1945–1960-е гг.	367
5. Борьба Московского Патриархата за сохранение русских обитателей	413
6. Возрождение русского афонского монашества в 1990-е – 2010-е гг.	443
Список сокращений	463

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

РУССКИЙ
АФОН
В XV-XX ВЕКАХ

М. ТАЛАЛАЙ
П. ТРОИЦКИЙ

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ РУСИ И АФОНА

I. XV–XVI ВЕКА

По мере освобождения Руси из-под ордынского ига ее связи со Святой Горой возобновлялись. Именно с XV в. можно отсчитывать почти непрерывную (за исключением Смутного времени) и все нарастающую, до начала XX в., историю Русского Афона.

Важнейшую роль на рубеже XIV–XV вв. сыграл преп. Нил Сорский (1433–1508): он встал у истоков нового этапа усвоения афонских традиций отечественным монашеством. Преподобный Нил родился в московской боярской семье. Приняв постриг в Кирилло-Белозерском монастыре, со своим учеником Иннокентием Охлябиным, он отправляется по святым местам Востока и несколько лет проводит на Афоне. Это путешествие имело решающее влияние на взгляды преп. Нила и утвердило его в целесообразности скитского жития. В ту эпоху на Руси существовала только одна форма монашеской жизни, общежитие, и один устав, студийский. Посещая древние православные обители Афона, преп. Нил смог убедиться в правильности избранного пути. Здесь он наблюдает отшельническую жизнь двух-трех иноков вместе: «Повсюду обретается во Святых Писаниях похваляемо, еже с едином, или двема безмолвие, яко же самовидцы быхом во Святой Горе Афонстей».¹ Такой вид монашеской жизни

¹ *Нил Сорский, преп.* Предание учеником своим о жительстве скитском. М., 1849. С. 48 (Слово II).

ИЗОБРАЖЕНИЕ СВЯТ

О ПУТЕШЕСТВІИ БОЖІЕЙ МАТЕРИ ВО СВ. АФОНСКІЮ ГОРЪ, И О ТОМЪ, ПО КАКОМУ СЛУЧАЮ ДОСТА-
КОСЛА СЕ: АПОСТОЛЫ въ Иерусалимѣ, съ Матерію Господню, вѣдоши христіи, кому казало странно достигнута дакъ проповѣданія Евангелія, Божіей
Матери доставля земля Израильскія: во Ангелъ Божій повѣстивъ Ей, что страна та просвѣтится въ послѣдующее время; а Тѣбѣ свидѣють пошкненія -
оъ яко знавъ въ которую самъ Богъ превратитъ Тѣбѣ. Послѣ сего чтирехднзаваніи Азарѣ божіей Евангелизмъ на Кипрѣнскъ островъ, гдѣни жельтъ глѣдѣтъ
Божію Матерь, и во Ея сосисіи прельстѣтъ за Шенъ Корабль, на которуи она отпрасилася въ Кипръ. Но вдругъ началъ дутьъ противный вѣтеръ -
и прельстѣтъ Корабль въ противную сторону Афонской Горы. Анонъ она была чужда, и вѣдѣние ищѣли; но какъ нахоудилася чрезъ Аполлонову; инокѣтъ
къ народу стеклася туда на выданіе, и всѣмъ получавъ тамъ отъ пророчдствѣнцѣвъ отвѣты на свои вопросы. Какъ только приближилася къ
берегъ Престѣла Божіа, тогда всѣ вѣдѣла заповѣнь воскланцанцѣи, амъ люди обѣщавшіе Аполлоновѣи пошкненія сойти съ горы, ступайтѣ -
въ Наминтову пристань; и врините Марію Матерь шаккаго Бога Іисуса Всемъ, слышнѣи, въ идѣлѣсь, противъ волн принужденны были силою
— свѣтъ, услышавъ слова идѣлѣвъ, народъ изумилася, и всѣ послѣднѣи на берегъ: морѣ въ пристани. Увидѣ Корабль и Божію

«Изображение Святой Афонской горы». Литография, 1843 г.

он называет царским, или средним путем. Важный духовный опыт он приобретает в скиту Ксилурга, древнейшей русской обители, где «вник во все небесные светлости умного делания».²

По возвращении с Афона в 1490 г. он решает применить святогорские аскетические правила на родине. В «Послании ко брату, прошившему его написать нечто к духовной пользе» преп. Нил пишет: «По отшествии странничества своего, пришед в монастырь, вне близ монастыря сотворив себе келью <...>. Ныне же вдали от монастыря поселился, обретох место, угодное моему разуму, занеже мирской чади [людей] маловходно, якоже сам видел еси».³ Преп. Нил после афонского опыта дает своим монахам особые правила, созданные по образу восточных обителей, становясь начальником русского *скитского* жития.

Единомысленный с преп. Нилом инок Вассиан (Патрикеев) при редактировании Кормчей книги пришел к выводу о необходимости исправления богослужебных текстов. В этом он убедил и великого князя Василия Ивановича, который в итоге написал письмо Патриарху Константинопольскому Феопилту и проту⁴ Святой Горы Симеону с просьбой прислать в Москву ватопедского старца Савву; обратиться к нему, очевидно, посоветовал ватопедский иеромонах Неофит, собиравшей в то время в Москве пожертвования для своего монастыря.⁵ С этой целью (и с богатой милостыней от великого князя) в марте 1515 г. на Афон были посланы торговые люди Василий Копыл и Иван Вараввин.⁶ Однако старец Савва, ссылаясь на старость, отказался ехать в Москву, и тогда прот по совету ватопедской братии отправил в Россию инока Максима (в миру Михаил Триволис). Так

2 *Феодор Бокаг, свящ.* Афон: Значение Святой Афонской Горы в деле создания и распространения духовной культуры на Руси. Париж, 1959. С. 33. О роли скита Ксилурга см. также в нашем Предисловии.

3 Преп. Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России. СПб., 1864. С. 180.

4 До 1626 г. Святая Гора управлялась не Кинотом, стоящим из собрания представителей 20 монастырей, а общим собранием всех обителей, во главе которого стояло выборное лицо – прот.

5 *Громов М. Н.* Максим Грек. М., 1983. С. 23.

6 *Сергий, архиеп. Тернопольский и Кременецкий.* Преподобный Максим Грек // Россия – Афон: Тысячелетие духовного единства. М., 2008. С. 282.

1518 г. в Москву прибывает знаменитый впоследствии духовный писатель преп. Максим Грек (ок. 1471–1556), подвизавшийся в Ватопедской обители около десяти лет (он называл ее «лаврой»), а до этого получивший широкое гуманистическое образование во Флоренции, при доминиканском монастыре св. Марка.

По современному выражению игумена Ватопедского монастыря архимандрита Ефрема (Кутсу), «преп. Максим представляет собою особый случай всецелого служения Святой Горы России».⁷ Аскетизм преп. Максима Грека имел много общего с подвижнической практикой северо-русских старцев: «Монашество он видел нестяжательным и беспопечительным в отношении материального, хотя не всем в руководстве Русской Церкви это нравилось».⁸ Отсюда не только кропотливая работа по переводу и исправлению богослужебных книг, но и активное вмешательство в политическую жизнь России. При этом общение с явным врагом России турецким послом Скиндером, критика развода великого князя с Соломией Сабуровой, отрицание автокефалии Русской Православной Церкви, попытки повлиять на решения государя – все это привело к известному трагическому повороту в судьбе преп. Максима.

В 1997 г. произошло замечательное событие: Московский Патриархат переслал в дар Ватопеду ковчег с частицей мощей преподобного («Максим вернулся домой», – комментировали расстроганные святогорцы).

2. «ПАНТЕЛЕЕВ» МОНАСТЫРЬ

К концу XV в., после падения Византии, монастырь Св. Пантелеимона на Афоне переживает тяжелое время. Русь, еще неокрепшая после монгольского ига, не может о нем позаботиться, так же, как и сербские властители, теснимые турками. С середины XIV в. и все XV-е столетие обитель была преимущественно заселена сербами, хотя в двух актах от 1483 г. есть подписи

7 *Ефрем (Кутсу), архим.* Святой Максим как ватопедский монах // Россия – Афон: Тысячелетие духовного единства. М., 2008. С. 286. Заметим, что на Афоне преподобного титулуют Максимом *Ватопедским*.

8 Там же. С. 293.

«от Руси» старцев Серапиона и Симеона, а в документе 1531 г. сохранилась запись: «от Руси Симеон Ковач».⁹

В русских летописях под 1497 г. встречается известие, что к великому князю Ивану III приходили игумен Паисий и один старец со Святой Горы из Русского Пантелеимонова монастыря «милостыни ради».¹⁰ Около 1509 г. сербская деспотица инокиня Ангелина убедительно просила великого князя Василия Иоанновича также и за русский монастырь на Афоне. Великий князь принял это прошение, взяв обитель под свое покровительство (известно общее послание святогорцев к великому князю по случаю сочетания второго брака и разлучения первого брака «чадородия ради», где упомянут и «Пантелеев» монастырь).

В том же 1509 г. в Москву прибыли пантелеимоновские старцы Василий, Симеон и Иаков, принесшие великому князю грамоты от прота Паисия и от игумена своего монастыря Саввы. Игумен в ней извещал великого князя, что по его указанию вписаны для поминовения родители великого князя и «братия будут пить, по его приказанию, из ковша усопшего отца его великого князя Иоанна, на память ему. <...> Он имел доброе усердие и желание за сей монастырь вашей ктитории, и вперед больше хотел жаловать, но перешел к Богу и оставил по себе добрую память в сих местах и других».¹¹ Великий князь дал старцу ответную грамоту, где обещал помогать милостыней, как и прежде, и разрешил монастырю раз в четыре года посылать своих монахов за сбором в Россию. Прот Паисий поблагодарил князя за такую милостыню Афону.

Это первое после падения Константинополя известное свидетельство об общении России с христианским Востоком. Возможно, такие связи со Святой Горой существовали и ранее, однако документы на этот счет не сохранились.¹²

9 По поводу вопроса об афонском монастыре Св. Пантелеимона. СПб., 1874. С. 183.

10 Русский монастырь Св. Великомученика и Целителя Пантелеимона. СПб., 1886. С. 35.

11 Там же. С. 36.

12 *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858. Ч. I. С. 12–14.

В 1515 г. прот Паисий писал в грамоте митрополиту Варлааму: «Твой предшественник [митрополит Симеон] миловал святой наш монастырь и память имеет в святых наших поминовениях; так и святыня твоя, сколько тебя наставит Дух Святой, сотвори». Одновременно игумен Паисий написал грамоту и к великому князю Василию, где извещал о миссии от монастыря в Москву трех монахов (Саввы, Пахомия и Матвея): «Прежде писали мы, чтобы поновил ты святой монастырь и святую церковь, которые от прежних времен от твоих дедов и прадедов созданы. <...> Будь новым китором отчины своей, дому и обители Св. Пантелеимона. <...> Еще приносим любовное моление великому Государю, что какая есть пшеница на пашне, чем монастырь содержится, с той турки берут у нас десятину; пошли о том некую речь турскому царю, — ибо знает твое государство, чтобы не брали с нас десятины, и нашему бы монастырю не давать им ничего».¹³

Так афонское монашество начинает прибегать к российской власти для защиты от притеснений турок.

К году венчания на царство Ивана IV относится окружное послание митрополита Макария о милостыне насельникам Пантелеимонова монастыря (1 августа 1547 г.): «Пришли старцы Св. Горы из Пантелеимонова монастыря, строитель [распорядитель] Савва, да старец Сильвестр, да Герасим диакон, да старец Роман к святейшему царю, <...> да и к нашему смирению и ко всем православным христианам русского нашего великого православия, прося милостыни на прокормление и вспоможение и на искупление братства той честной обители».¹⁴ Грамота эта по содержанию своему подобна находящейся в Руссике грамоте Патриарха Иова.

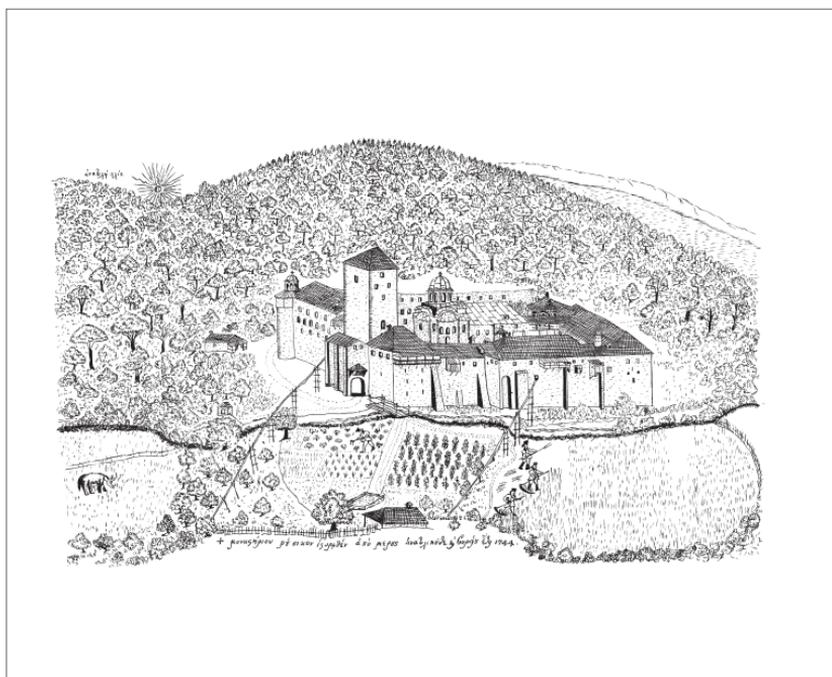
В 1548 г. русские афонцы свидетельствовали царю: «нам досаждают турки и греки, многое отняли».¹⁵

В 1550 г. старцы из Пантелеимонова монастыря (иеромонахи Иаков и Мартирий) прибывают в Москву с грамотой царю от игумена Павла, просившего, дабы царь «смиловался, призре л свой

13 Там же. С. 37.

14 Русский монастырь Св. Великомученика и Целителя Пантелеимона. С. 38.

15 *Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. С. 61.

Руссик. Середина XVIII в. Рисунок В. Григоровича-Барского.

монастырь, ибо каждый народ имеет здесь своего покровителя, их не хочет жаловать ни Мултянский, ни Волошский воеводы, говоря, вы себе имеете царем и государем Великого Князя Московского. Ныне монастырь Св. Пантелсимона имеет на себе много долга, святое же царство твое далеко, а мы здесь в турецких руках, многия от них насилия терпим, и помощника у нас нет. Сказываем твоему державному царствованию, что на те деньги, какия пожаловал государь отец твой, Василий Иванович, мы сделали половину ограда, а другая половина рассыпалась, и твои богомольцы не имеют куда головы преклонить; посему молодые иноки хотят бежать из монастыря, а старым и больным куда идти? Великий государь, созижди другую половину ограды и кельи для иноков, дабы не опустело твое богомолье при твоём царстве, что купили твои прадеды от греков мноюю казною. Много было куплено сел к нашему монастырю от ваших прадедов; нам досаждают за них турки и греки,

многое отняли и ежегодно взимают дань. Ныне должен монастырь 600 рублей, а твое царство может нас свободить единою речью от турецкого султана, если хочешь пожаловать свой монастырь, как жаловал его отец твой, великий государь; а с тех пор как преставился он, и монастырь хочет запустеть, если ты его не призришь. Как Волошские и Иверские воеводы свои монастыри на Св. Горе, как мать свое рождение, и даровали им села от своих земель. Если же не хочешь, благочестивый царь, нас пожаловать, то пошли своего человека и возьми обратно сосуды церковные, да не возьмут турки, а мы куда деть их, не знаем».¹⁶

Данное послание — важное свидетельство не только тяжелого состояния монастыря в те годы (о чем свидетельствует и наступившее довольно скоро его запустение), но и щедрой помощи Пантелеимонову монастырю со стороны русских правителей.

О трудностях в славянских обителях свидетельствует и грамота царю от Хиландаря: «Ныне наши монастыри словенского языка в греческой земле пребывают в чуждо странствии: и алчем и жаждем и наготуем, без своих царей и ктиторов у безбожных агарян. Сотвори милость с нами, да примешь мзду от мздовоздаятеля Бога».¹⁷ Из Хиландаря также просили царя, чтобы тот послал султану грамоту. Царь внял просьбам святогорцев и выслал в сентябре 1551 г. грамоту к султану, где просил за оба монастыря.

Чуть ранее, в январе того же года, царь писал Константинопольскому Патриарху Дионисию по поводу будущего дьяка Обрюта Михайлова Грекова: «Ты бы велел его у себя учить грамоте греческой и языку, а если тебе у себя его учить нельзя, то отошли его на Св. Гору Афонскую, в наш монастырь Св. Пантелеимона».¹⁸ Это говорит о том, что в Пантелеимоновом монастыре готовили по необходимости толмачей для посольского приказа.

В мае 1554 г. в Москву приезжает старец Евфимий от игумена Геннадия за милостью, а в 1561 г. прибыл сам игумен Пантелеимонова монастыря с четырьмя старцами. С ним приехали еще четыре монаха из Ставроникитского монастыря и пять — из Лавры

16 Там же. С. 39

17 Там же. С. 39

18 Русский монастырь Св. Великомученика и Целителя Пантелеимона. С. 40

Св. Афанасия. Они были пожалованы милостыней царя, прожив в Москве почти два года.¹⁹

В 1571 г. обитель Св. Пантелеимона получила грамоту на имя игумена Диомида и милостыню: 200 руб. на поминание царицы Анастасии, 150 руб. — на поминание брата царя Георгия Васильевича, чару серебряную — на поминание царицы Марии.

В 1582 г. на Святую Гору прибыл царский посланец Иван Мешенинов с милостыней на поминание убиенного царевича Ивана, а Пантелеимонову монастырю было назначено 500 рублей; были посланы также и ризы. Однако посланец привез царю ответную грамоту от прота Пахомия с известием, что Пантелеимонов монастырь стоит уже десять лет пустым после смерти строителя Матфея, скончавшегося в Москве, и что деньги передать было некому. В итоге «прот роздал всем архимандритам 2870 рублей, сверх того Ватопедскому монастырю 820 рублей, Хиландарскому — 700».²⁰

В 1584 г., после кончины Ивана IV, уже царь Федор послал грамоту в Хиландарский монастырь, чтобы посланные ризы на поминание царевича Ивана по случаю запустения Пантелеимонова монастыря были переданы в Ватопедский монастырь для поминовения его отца.

Однако запустение Пантелеимонова монастыря продолжалось недолго, и в 1591 г. в Москву приезжает архимандрит Неофит и строитель Иоаким, которые просят царя о милостыни. И царь, и Патриарх приняли самое живое участие в возрождении обители.

Из патриаршей грамоты 6 марта 1591 г. видно, что Пантелеимонов монастырь в те годы был русским. 5 сентября того же года обитель получила от царя Федора жалованную грамоту. Таким образом, к концу XVI в. установились прочные отношения России и русского монастыря на Афоне. Однако наступает Смутное время, и связи с Россией временно обрываются.

19 Известно, что в те годы в Пантелеимоновом монастыре обитали игумен, 15 священников, 7 диаконов и братии 170 человек. Церквей принадлежало монастырю 15; господствовал общежительный устав. Удивительно, что через 13 лет монастырь оказался совершенно пустым... (Там же).

20 ЧОИДР. 1871. Кн. 1. Отд. 2. С. 66.

1. МИЛОСТЫНИ ИЗ МОСКОВИИ

По окончании Смутного времени связи России с Афоном восстанавливаются — начиная с 1620-х гг. святогорцы часто приезжают на Русь за помощью.

1 сентября 1622 г. путивлевские воеводы сообщают о едущих к царю посланцах, среди которых святогорец Нил (он получил в Москве 40 соболей в 25 руб., «камку смирную», денег 15 руб.¹). 22 марта того же года с сербским епископом Антонием приезжает иеромонах Иосиф со Святой Горы, который 5 лет назад выехал оттуда для рукоположения, но вернуться назад не смог из-за войны литовцев с турками. В мае того же года приехал за милостыней ватопедский игумен Никодим с мощами преп. Михаила Синадского, привезя царю грамоты и от Иерусалимского Патриарха Феофана и от бывшего игумена Пахомия с ходатайством уплатить долг Ватопеда. Известно, что в мае 1622 г. в Путивль прибыли хиландарский игумен архимандрит Феодор и строитель Есфигменского монастыря Авксентий. Они ехали за милостыней, взяв с собой частицы мощей св. Пантелеимона и мч. Иакова Персянина, а также образ Спаса Вседержителя. Игумен Феодор получил у царя подтверждение грамот царей Ивана и Федора, даровавших

¹ *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1860. Ч. 2. С. 3.

Хиландарю подворье в Москве.² Приняты они были также и Патриархом, вручившим им деньги и подарки, в то время как хиландарский игумен преподнес ему часть мощей мч. Стефана Есфигменского.

В 1623 г. произошла курьезная история с одним сборщиком от Зографского монастыря: выяснилось, что тот являлся беглым зографским монахом, хитроумно решившим воспользоваться милостыней русского народа.³

В мае 1625 г. в Москву прибывает ватопедский архимандрит Игнатий. В следующем, 1626 г., к царю Михаилу приезжает пантелеимоновский архимандрит Макарий с грамотой от Вселенского Патриарха Кирилла, просившего государя о помощи также Пантократору, Зографу, Иверу и Дохиару. О Пантелеимоновом монастыре он писал: «В нынешнее время впал он в убыток и в долг, и заложил ризы церковныя и монастырския, и иное строение недвижимое, и пашню, и сады — все, чем питались, и ныне тем не владеют; от великого долга и самих посажали в темницы, и там зле погибают; да и церковь их и кельи и монастырские стены разорены <...>; и пищи никакой не имеют, и от великого своего изнеможения и от долга не могут ничего починить. Да будет сие известно твоему Величеству».⁴

По просьбе архимандрита Макария и строителя Саввы проезжая грамота царя Федора переписывается на имя Михаила и его отца Патриарха Филарета, с датой 22 июля 1626 г.

В сентябре 1627 г. в Москву были доставлены грамоты от разных афонских монастырей с благодарностями. Пришла и грамота от всех святогорцев, подписанная протом архимандритом Дионисием: монастыри, скиты, отшельники, пещерники выражали благодарность за милостыню, данную Патриарху Кириллу и просили помочь в уплате дани. Обитель Дионисиат также просила выкупить церковные сосуды, заложенные ради освобождения одного иеромонаха.

В конце 1627 г. в «белокаменную» опять приезжает зографский игумен Неофит с просьбой об уплате долга. В 1629 г. появи-

2 Там же. С. 10.

3 Там же. С. 25.

4 Там же. С. 43.

лись от Пантелеимонова монастыря иеромонахи Григорий и Иеремя, которых, впрочем, в Москву не пустили, вероятно, из-за того, что они прибыли ранее указанного четырехлетнего срока. Они отправили царю письмо: «Сей [Пантелеимонов] монастырь есть создание царствия твоего. <...> Ведомо тебе, великий государь, да будет, что у нас здесь на Афонской Горе 20 монастырей царственных; нарицается всякий монастырь именем того, кто его поставил, и всегда поминаются имена соорудителей; наш же монастырь нарицается Русский, яко московских царей сооружение. А у нас, бедных и беспомощных, требуют агаряне дани, а нам взять негде, и говорят они нам: два царя у себя имете, а плачете, будто вам дать нечего».⁵

В 1636 г. в Москву приезжает за милостыней игумен Иоанн с грамотой от 1626 г. о дозволении приезжать в Россию за милостыней каждые пять лет. В 1642 г. появляется архимандрит Григорий с келарем Христофором и другими старцами.

Сохранившиеся жалованные грамоты за 1636, 1660, 1690 гг. говорят о продолжавшейся помощи Афону со стороны русских венецосцев.

В 1648 г. состоялось важнейшее для русской духовной и культурной жизни событие: в Москву с Афона прибывает чудотворный Иверский образ Божией Матери. Идея принесения иконы на Русь принадлежала архимандриту московского Новоспасского монастыря Никону, будущему Патриарху. По его просьбе афонскими иноками был снят список с чудотворного первообраза, пребывающего во вратах Иверской афонской обители и получившего поэтому название «Вратарница». История иконы, как известно, восходит ко временам иконоборчества: спасаемая православными от поругания еретиков, она была пущена в море и чудесно обретена на Афоне монахами грузинской обители. По афонскому преданию, Матерь Божия Сама пожелала, чтобы Ее икона находилась не в храме, а во вратах монастыря, в знак того, что не люди охраняют икону, но Сама Матерь Божия оберегает афонских подвижников. В замысле Патриарха Никона очевидно просматривается желание

5 Русский монастырь Св. Великомученика и Целителя Пантелеимона. СПб., 1886. С. 44.

деятельного приобщения Руси к афонской благодати, стремление вручить Русь под покров Царицы Небесной, сделать ее таким же «уделом Богородицы», каким, согласно преданию, по Ее слову еще при Ее жизни, стал собственно Афон.

С того времени уже не только отдельные иноки, не только монастыри, но уже вся Россия оказывается связанной с Афоном как бы «кровными» духовными узами — как чада единой Матери. Копия была исполнена красками, соединенными с мощами, растворенными святой водой, которой предварительно омыли чудотворную икону; ее написание сопровождалось постом и усердной молитвой всей иверской афонской братии, а также особым служением дважды в неделю всенощных бдений и литургий. Икона была прислана царю Алексею Михайловичу с еклисиархом Пахоимом, иеродиаконном Дамаскиным и келарем Игнатием.

Царь и Патриарх Иосиф встретили образ у Воскресенских ворот в Москве 13 октября 1648 г. Первоначально он был поставлен в обители, называемой в то время «Никола Большая Голова» (с тех пор она находилась в ведении Иверского афонского монастыря⁶), затем передан в московский Новодевичий монастырь. Впоследствии у Воскресенских ворот Китай-города, при входе на Красную площадь, на месте встречи иконы была воздвигнута специальная часовня, для которой с афонской копии был сделан «московский список». Со временем Иверская часовня Москвы, несущая на себе благословение Святой Афонской Горы, стала местом паломничества всей России, своего рода «воротами Святой Руси».

При царе Алексее Михайловиче в Россию с Афона была доставлена также копия святогорской иконы Божией Матери «Троеручица», выполненная в размер оригинала.

Следует отметить, что потеря независимости афонитов и турецкое владычество не отразились на отношении к ним России: авторитет Святой Горы оставался непререкаем даже тогда, когда ее обители приходили в упадок. В свою очередь, когда в юго-западной России началась борьба православных с Брестской унией, им в этом немало помогали святогорцы-славяне.⁷

6 Путьеводитель по Св. Горе Афонской. СПб., 1854. С. 73.

7 Русский монастырь Св. Великомученика и Целителя Пантелеимона. С. 34.